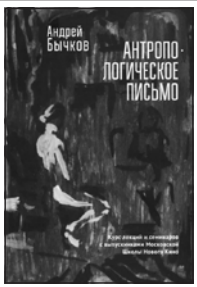

Бычков Андрей. Антропологическое письмо. — СПб.: Алетей, 2024. — 378 с.

Андрей Бычков, известный, в первую очередь, как романист, эссеист, автор рассказов и сценариев, "придуманной" прозы, в своей новой книге выступил как автор "нон-фикшена", книги курса лекций и семинаров, проводимых в Московской школе нового кино. Конечно, при таких вводных все, в первую очередь, вспоминают Жака Лакана. Но при всех очевидных параллелях: практикующего психолога, преподавателя и связи с кино, — их пути столь же очевидно и расходятся. Если претензии Лакана на научность, ценности и статусные в середине прошлого века, а сейчас несколько смешные и "кринжовые", не опирались ни на что, кроме желания статуса, то для Андрея Быčkova эти потуги важны, мягко говоря, не очень. Он и так кандидат физико-математических наук, и "математические" подходы в психологии, над которыми смеялись ещё

ПСИХОПРАКТИКИ НА ТЕМУ КИНО

до их появления, восхищения, трепета у него не вызывают. Каждому своё, а если какому-то Докинзу что-то не понравится, то это, право, проблемы Докинза. Ему всегда можно предложить астрологический прогноз на лучшие дни для борьбы с лженаукой. В то же время сложно не отметить проблем нынешнего странного состояния антропологии как дисциплины, в РФ отягощаемой отупляющим наследием академика Тишкова, но и в остальном мире не сказать что уж слишком напоминающей цветущий сад. "Гендерная теория" как продолжение марксизма другими средствами соревнуется с искусственным интеллектом в борьбе за тоталитарное лидерство, оставляя мало укрытий человеку как "антропосу". Семинары и лекции, приведённые в книге (как, собственно, и кино как объект, к которому прилагаются лекции) — это одно из

таких укрытий. "Уход в лес" возможен разными путями.

"Антропологическое письмо", в котором автор избирает своих слушателей своими соавторами, с причудливым "разбором полётов" изначально пугает возможностью свалиться в "курсы креативного райтинга", "тренингов", "осознанности", "мотивационных текстов" или ещё какую-нибудь более страшную пирамиду "достигаторства", но эти опасения быстро проходят. Механистичность, утилитарность и прочий SMM квадратных поделок мафиозных кланов с различными "курсов" — не те основы, на которых пока ещё держится русская литература. Не для того Мамлеев гоголевской традиции наследовал.

И хотя набор примеров для анализа, разбора, синтеза выбран достаточно понятный,

их последовательная ре-репрезентация становится всё более насыщенной предыдущим изменением отношения к деконструированному событию. Всё то, что сейчас обозначается термином "инди" в приложении к направлениям в искусстве. Литературоведение, превращаемое в искусствоведение и психологический анализ, философия, переходящая в практическое применение без целеполагания, без противопоставления, "параллакс" без Жижека ("которого мы тоже не любим", как написали бы в одном телеграм-канале, всё-таки любящем Жижека).

Теоретически психологические практики, конвертируемые из живого личного общения в письмо, должны терять часть того воздействия, которыми обладают "в моменте" благодаря авторитету лектора. Но в данном случае доведение прямой речи до текста — и есть часть задачи психологического взаимодействия. Текст

появляется и как основа для рассуждения, и как реакция на задания после предыдущего разбора структуры письма, и как субъект, и как объект, в какой-то мере деконструируя слишком утомивших деконструкторов. В свете порождённой ковидом эпидемии "метамодерна" (явления исчезнувшего, как медицинские маски и "социальная дистанция"), возникает вопрос о пропорциях и соотношении в тексте пост- и просто модернистского подхода. И вопрос не так прост, как кажется. Видно, что в преподавании антропологического письма Бычков не пытается представить слушателей объектами и перегрузить их иронией. В то же время сам предмет, служащий толчком для индивидуального творчества, уже является элементом сложной мозаики построения текста. Книга Андрея Быčkova может рассматриваться и как учебник, и как самостоятельное эстетическое и/или философское произведение. Она может стать и основой для практики, и шансом раскрыть для себя новое в знакомом до обыденности. Любая интерпретация текста будет правильной, если вы понимаете систему интерпретации правил.

Сергей УГОЛЬНИКОВ

ГОСПОДА, ИДИТЕ ЛЕСОМ!

Тюльбашева Светлана. Лес. — М.: Дом историй, 2024. — 380 с.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Дом историй" вышел дебютный роман Светланы Тюльбашевой под интригующим названием "Лес". Роман быстро стал популярен и получил множество неоднозначных оценок. Мне тоже захотелось порассуждать об этой книге, но перед этим сказать пару слов о топосе леса в мировой литературе.

Лес как мифопоэтическое пространство имеет богатую историю в отечественной и зарубежной литературе, являясь универсальной площадкой для разыгрывания любовной идиллии, волшебной сказки, готического романа и т. д. Список этот огромен.

Тем не менее начать наш увлекательный разговор следует именно с волшебной сказки. На это есть две причины: во-первых, с устного народного творчества, во многом утерянного, начинает своё существование русская литература, а во-вторых, лес, в силу своей географии, связан с этническим пространством деревни, где симбиоз христианства и язычества, полувивший название "двоеверие", стал детонатором для появления экзотического фольклорного наследия, до сих пор осмысливаемого отечественными филологами.

Лес в сказке становится границей между реальностью и вымыслом, своим и чужим пространством. Владимир Яковлевич Пропп определял художественную функцию леса в сказочном повествовании следующим образом: "Лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев".

В данном романе в роли "пришельцев" выступают две подруги-москвички, а в роли "сети" — летний карельский лес.

Лика и Вика отправляются в лесную чащу в поисках моршки. Из-за нелепой случайности там они, скитаясь и мучаясь галлюцинациями, проведут три месяца.

Ужас перед сакральным организмом леса, живущим по неизвестным для городского жителя правилам, передан мастерски, для автора-дебютанта.

Характерная для волшебной сказки трансформация героев в процессе нахождения в лесу также, хоть и достаточно формально, присутствует в романе. Таким образом, схема Владимира Яковлевича интереснее ложится на сюжет первой части книги.

Тюльбашева держит читателя в напряжении, балансируя на грани реалистического повествования: "Стой. Это не человек. Не надо за ней ходить. Старушка снова исчезла. Хотелось пить. Голова болела так, будто вот-вот расколется на части".

Через пару часов мы увидели ещё одного человека: мужчину в синих джинсах и кофте, стоявшего к нам спиной. Мы окликали его, он, не обернувшись, сделал шаг вперед и исчез. — Не пойдём туда, — сказала я Лике, — опять мерещится".

До самого финала читатель не сможет понять, чем именно "в действительности" является пространство леса: враждебным лимбом вне времени, галлюцинацией героев? Местом, где орудуют мимикрирующие под людей лешие или самые обыкновенные маньяки?

Именно эта игра, на мой взгляд, является самоцелью романа. Он полностью фокусируется на динамике, закручивается, в процессе теряясь, образуя сюжетные дыры, а всё только затем, чтобы вы этот роман дочитали, и вы дочитываете.

УДИВИТЕЛЬНО, но именно в тех местах, где автор от схемы Проппа отходит — роман ослабевает. Так, вторая часть книги, где лес для персонажей является домом, заметно проседает. Здесь враждебный для героев пространством выступает деревня, куда переезжает ради лучшей жизни семья,

состоящая из третьеклассника Гриши, его маленькой сестры, отца, бабушки, тёти-гадалки, дяди и волка. По-моему, серьёзный состав.

Мужчины, однако, мгновенно ликвидированы из текста под предлогом работы, маленькая сестричка безмолвствует в люльке, тётя с бабушкой увлечены своими бытовыми делами, а потому вращать жернова сюжета приходится мальчику Грише.

Чем же объясняется враждебность деревенских жителей в отношении этой интересной семьи? Вы угадали, она объясняется старым добрым: "Чужаков мы не любим". Таким образом, функцию леса во второй части романа выполняет деревня.

Несмотря на то, что деревенские жители представлены в романе одинаково неприглядно (это отмечали многие возмущённые читатели), сильного эффекта это не производит. Думаю, дело в том, что в авторской репрезентации деревня и лес слились в один хтонический образ: пугающий и мистический. Тем не менее в народном сознании пространство деревни лишено мистики, а тем, что деревни населены алкашами, — никого, к сожалению, не испугать. Именно поэтому во второй части роман из триллера превращается в детектив: "Почему всё так?" — думал Гриша. Почему? Почему они должны уезжать, когда они только приехали? Почему тётя должна всё бросать? Почему на него напали? Как несправедливо. Мальчик лежал до глубокой ночи, глядя на кусочек звёздного неба и ветки яблони в окне. Плохо, плохо. Он на минуту заснул и сразу же проснулся от озарившей его мысли: нужно всего лишь доказать, что старая Анна потерялась в лесу сама".

С этого момента Гриша занимается поиском пропавшей в лесу старухи, в убийстве которой деревенские жители подозревают его семью.

В конце романа две магистральные сюжетные линии сойдутся, или лучше сказать, грубовато сошьются Тюльбашевой, с чем и связан основной недостаток романной реальности, а именно — недоработанность.

Для читателя внимательного и придирчивого вторая часть книги может превратиться в настоящее испытание.

На мой взгляд, очень важно понять, чего именно вы ждёте от текста. Если ваша цель — развлечься, убить время и пощекотать нервы, то этот роман написан для вас. Об этом в своём интервью говорит и сама Тюльбашева: "Мне кажется, "Лес" понравится людям, похожим на меня, которые любят жанровые книги с закрученным сюжетом, в которых есть над чем подумать, но которые состоят в большей степени из действий, чем из размышлений; которые любят страшноватые истории, но не любят откровенную жесть, любят грустные истории, но не любят совсем уж мрак и тлен, которые хотят погрузиться в книгу на несколько вечеров и отключиться от реальности за окном".

Если вы ждёте от текста тяжеловесности, символической глубины, сложной мотивации в поступках персонажей, незаметных и тонких сюжетных сплеек, то вы, к сожалению, разочаруетесь. Писать о "Лесе" с таких позиций мне кажется странным. Это сравнимо с попыткой на полном серьёзе подвергнуть критическому анализу мультфильм "Щенячий патруль". Да, роман поедает сам себя, наполняется условностями, скачет по временным отрезкам в своё удовольствие, но он держит внимание до самого своего финала, который, в свою очередь, многих сбивает с толку. Если попытаться отнестись к роману как к игре, полностью вверая себя его умеренному абсурду, то шанс получить удовольствие от книги сильно возрастет.

В заключение хочется сказать, что "Лес" удивляет своей универсальностью. Думаю, его коммерческий успех связан именно с этим фактом. Роман охватывает все возрастные и социальные группы, помимо, разве что, оскорблённых деревенских жителей.

Маргарита ПРОХАНОВА

Репников Александр. Размышления о русском консерватизме: статьи, рецензии, интервью, воспоминания, библиография. — М.: Прометей, 2024. — 1032 с.: ил.

ПОЖАЛУЙ, такой и должна быть книга о консерватизме. Большая, содержательная, стильная. В этом путешествии в историю и настоящее русско-го консерватизма только именной указатель занимает 60 страниц. А примечания и комментарии — вообще особый мир, полный интересных сюжетов. И обложка дополнительно интригует — то ли символика консервативного постоянства и вызовов современности, то ли образ русской жизни, то ли намёк на юнгеровский "уход в лес".

В настоящем консерватизме предельно важен и внешний контур. Когда звучит слово "правый" в отношении, например, Столыпина или Шульгина, не хочется возражать, несмотря на спорный революционный контекст. А вот когда на правизну претендовали Немцов с Гай-

алист, одинокий упырь, сидящий в углу и высасывающий последние соки из объекта своего исследования, но не ведающий даже самых близких связей.

Всех этих "но" у Репникова нет, или же они совершенно незначительны. Есть необходимый баланс, который идёт от специализации, но ей не ограничивается. Проработав тему, инструментарий, наконец интеллектуальную "мышцу", можно и нужно выходить на общение, расширяя поле деятельности. Специализация — печка, от которой начинается "танец" историка. Но это оптика, а не шоры.

Сам Александр Витальевич на представлении тома обмолвился: "Книга помогла осознать, что я историк". Удивительно, не правда ли? Доктор наук с многолетним стажем профессиональной работы демонстрирует осторожность, занимается самоанализом. В то время как хватает откровённых неучей, даже не сомневающихся в своём праве на высказывание.

"Размышления о русском консерватизме" обращены к самой широкой аудитории. Это синтез жанров, взаимосвязь научного, общественного, личного; мастерская научная публицистика, полноценный отчёт о годах, проведённых не впустую, и мемуары.

РЕДУТ КОНСЕРВАТИЗМА

даром — было откровенно неудобно, и дело не в пресловутом "букетике кровей". Всё-таки должна быть соответствующая статья. У Репникова и его героев она несомненна.

Есть известная проблема с поименованием философами любых обладателей философских дипломов в силу отсутствия термина — а-ля "литературовед". У историков схожая трудность, и дело даже не в Геродоте или Карамзине, выглядывающих из глубины веков. Под одним именем мы знаем максимально различные типы. Есть историки-публицисты, историки-трибуны, историки-конспирологи, историки-философы, историки-писатели, наконец, не забываем авторов "фолк-истории". И "просто" историки в этом неоднозначном разнообразии порой для общества незаметны.

Когда прекрасный переводчик и успешный беллетрист, иноагент и террорист Григорий Чхартишвили заявил, что для написания своей "Истории Российской государственности" он прочитал несколько сотен книг, то вызвал закономерные усмешки. Ибо для серьёзной литературы такие объёмы обязательно-неизбежны на каждый век, а то и больше.

В исторической работе страница текста до половины может быть заполнена сносками, или же 40–50% книги — это примечания. Тяжело, но таков закон жанра. Поэтому книги, в которых нет подобного аппарата, — уже под вопросом. А ещё есть необходимость актуального знания — должны быть проработаны новые источники, документы, введённые в научный оборот, нельзя впадать в "библиографический нигилизм" (вспомним ещё полувековой давности эпизод из комедии "Большая перемена", где главный герой пролетел мимо аспирантуры, упустив последнюю публикацию по своей теме).

Плох "знаток" всего и вся без точки опоры, готовый с лёгкостью говорить на любую тему. Но скверен и узкий специ-

"Эта работа посвящена феномену русского консерватизма середины XIX — начала XX века. Вместе с тем вошедшие в первую часть книги тексты охватывают больший хронологический период, связывая древоложичное прошлое с событиями советской истории и современности. Вторая часть содержит блок из рецензий на работы по славянофильской и консервативной тематике. Третья часть представляет интервью автора за разные годы. В четвёртой части автор книги рассказывает об опыте научного сотрудничества с учёными и преподавателями МГУ, РГГУ, МГУ, МПГУ, ИРИ РАН и других вузов и научных институтов.

Среди тех, с кем общался автор и к кому он обращает слова благодарности, есть как ныне живущие, так и ушедшие из жизни историки — представители разных научных школ. Тема научного сотрудничества проходит красной нитью через всю книгу. Автор рассказывает о деятельности сообществ, с которыми ему довелось сотрудничать в 1994–2023 годах. Комментарии, примечания и приложения к книге содержат большой массив информации, включая сведения о современных исследованиях, направлениях и научных школах".

Основные герои Репникова те же — Константин Леонтьев, Лев Тихомиров, Василий Шульгин, Михаил Меньшиков. При всём различии их объединяет способность взаимодействовать с настоящим, попытка работы с фигурой будущего, к чему зачастую были равнодушны иные деятели и даже мыслители правого толка.

Репников — "собеседник" больших людей прошлого, но он же внимательный исследователь. "Честный", — сделал комплимент коллега-левак. Сиречь не замалчивает неудобные эпизоды из биографий, не устраивает бездумную апологию. В самом деле, интересен человек в его своеобразии, противоречиях, трансформациях. Поэтому и идеи, подходы

отношение имперского и национального принципов; социальная мобильность и свобода слова; Александр III и Первая мировая война; пандемия Данилевскому ближе Шпенглер, а не Соловьёв, и в чём заключаются пророчества Константина Леонтьева; как черносотенное "Русское знамя" нападает на Столыпина за "зоологический национализм", а Шульгин скоирует неомонархистов космополитическими выводами; как девальвация национальных героев мешает патриотической мобилизации общества, а расчленение становится следствием забвения гуманитарных наук.

При всей фундаментальности затронутых тем и проблем у "Размышлений" есть важное человеческое измерение. Фактура здесь далеко не всё — важные интонации, тонкости, нюансы. Вопреки стереотипам настоящий консерватизм — это широота взгляда, однако лишённая розовых очков. И историку трудно быть оптимистом. Тем более в поступи нового века, с его потоком информации, диктатором меньшинства, культурой отмены и соблазном искусственного интеллекта. Ещё один парадокс: именно пессимизм консерваторов становится редутом сражения за человеческое, когда прогрессисты закономерно промаршировали к постчеловеческому будущему.

Книга достойна гонимости, но вряд ли получит даже диплом. Однако для автора это явно не беда, не для того писалась. И если под звуковой формулой "восстание против современного мира" понимать не только некое радикальное действо, но и содержательное дело, то "Размышления о консерватизме" — это оно. Читайте, погружаясь в примечания, идём по ссылкам. Размышляем вместе с Александром Репниковым.

Даниил ТОРОПОВ

Пелевин Виктор. Круть. — М.: Эксмо, 2024. — 496 с.

НАДЕЮСЬ, расшифровка аббревиатур, вынесенных в заголовки этой статьи, особого труда не составит. Во всяком случае, первой. А вторая — опять же, на всякий случай — устоявшееся в отечественных околотитратурных кругах обозначение Пелевина Виктора Олеговича по фамилии, имени, отчеству автора. Эти аббревиатуры в русском языке выглядят как рифмуемые между собой, но насколько случайна или, напротив, оправданна — такая рифма? По-моему, настолько же случайна и оправданна, насколько фамилия Шарабан-Мухлюев с именем "матчевством" Герман Азизович для придуманного им классика будущей русской литературы (себя нелюбимого?). "Надеемся, это не автобиография", — меланхолично интересуются читатели на "ЛитРес" в мире серии "Трансгуманизм инк." ("Круть" — уже четвёртая по счёту книга этой серии).

Впрочем, фирменной пелевинской игры в слова, глума, "стёба" и троллинга это обстоятельство ничуть не отменяет. Иное дело, что занятие это в текущих обстоятельствах места и времени, после 24 февраля 2022 года, сильно изменило свои смысловые параметры, ибо Zeitgeist (дух времени) и Otgeist (дух места) утратили своё глобальное измерение и общее течение, поэтому жить по "всемирному" времени в одинаковых повсюду шатрах "новых кочевников" стало уже не только субъективно непонятным, но и объективно невозможным делом. Соответственно, нет больше того игрового хронотопа ("Бахтин" в романе "Круть" вообще фигурирует в качестве ложного "кодового слова" вместо "Янаги-хара"), в котором писатель Пелевин чувствовал себя как рыба в воде при самых разных показателях её солёности, температуры и давления.

СВО И ПВО

НА ЛЮБУЮ претендующую быть универсальной системой ценностей (вернее, даже эпистему ценностей): хоть традиционных, хоть совковых, хоть либеральных, — у писателя Пелевина (и гласа народного, к которому он внимательно прислушивался и который пытался транслировать через себя всё время пребывания в литературе) находилась внесистемная (и внеэпистемная) альтернатива.

Писатель Пелевин неизменно любимен был народу как носитель нашего русского языка не тем, что чувствался добрым от лирой пробуждал, а тем, что в перестроенные, что в рыночно-демократические времена давал возможность иных взглядов, иных трактовок наблюдаемых феноменов — вне текущего неизвестно откуда и, по большому счёту, неизвестно куда и когда "мейнстрима". Но вот сейчас возможности трансляции "иного" оказались исчерпаны — прежде всего как раз на эпистемологическом уровне. Что на уровне религиозной эпистемы, что на уровне эпистемы Просвещения: хоть в её позитивистском, хоть в коммунистическом, хоть в либеральном изводе. Всё, Чапаев и Пустота. Трансгуманизм, феминизм, криптовальютность и прочее — это уже системная рыба на воде. А вдохновение — такая, извините, круть, которая имеет свойство покидать тех, кто в неё не верит. Без чего оказывается невозможно сложным делом даже идти в ногу с этим самым временем — приходится за ним сначала поспевать, а затем уже и откровенно гнаться.

Так что остаётся писателю Пелевину? Жить и писать "по местному времени"? Это тяжёлая (и вряд ли быстрая, если вообще возможная) для него перестройка и перестрелка. С неопределёнными и непредсказуемыми рисками, в числе которых — и образ Рыбы-Лоцман (это что-то лич-

ное у них, а Галина Юзефович — видимо, пелевинская аватарка пушкинского образа той, кому посвящалось стихотворение "Я помню чудное мгновенье..."). Не говоря уже о трудах по созданию принципиально новой художественной эпистемы — такой задачи для писателя Пелевина ранее вообще не существовало. А потому на месте авторских афоризмов находится примерно следующее: "Фирма нам теперь Духоград строить назначила. Вторая ходка после Лондонграда. Лет через десять вернутся, споят за забором "Winds of Change", отрясут все груши и по новой...". "Национальная идея — это то, во что вы должны верить, пока начальство ворует...". "Мне нужно сохранить себя для будущей большой судьбы, великого поприща... — защищать внутренние и внешние рубежи духа в симфонии с начальством, указывая ему на то, что оно по добродушию часто не видит...". — впрочем, последняя цитата — уже из творчества Г.А. Шарабан-Мухлюева.

В итоге не мудрено, что en passe читательские отзывы на книгу Пелевина выглядят на много интереснее самой книги. От наивно-второклассных и "косящих" под них откликов типа: "Читаю уже второй роман, всё нравится..."; "Пелевин исписался..."; "Всё невероятно хорошо и даже местами понятно..."; "Не в масть своими руками шрябать за этот петушиный роман, так что всё скинул на бота..."; "За всю книгу не удаётся найти ни одной идеи, которая могла бы зацепить или заставить задуматься..."; — до вполне претендующих на многомерность: "Его книги рассказывают более-менее об одном и том же и создаются по одной и той же формуле. Взять что-то из современной повести, замешать всё это с затуманненными истинами и добавить шуток...

Что происходило за год? Тапали хомья. Добавлено..."; роман "пашетный", при этом плохо перемешанный, с первыми и чешуей, динозаврами и феминистками"; "Пелевин отчуждён от реальности уже не в высоком буддистском, а в презренном постмодернистском обычае..."; "Всего лишь на скорую руку сработанный задник для извечного пелевинского глума и циничной иронии, никого и ничего не жалующих..." (не сказать, что никого и ничего не желающих); "Будто пишет Пелевин ради выпуска книги раз в год и заработка, а о чём пишет — неважно. О пустоте. Пилл всё равно схавает..."; "мастер-

ски "приготовленную сборную солянку" из сюжетов и мемов из интернета..."; "Пелевин переехал в то пространство, где придираться к его социальной сатире будет сложнее..."; "Время сейчас такое, и автор отравляет заказ..."; "Автор иррациональный тролль, и в этом в годах не уступает. В каком-то смысле, наше время и заслуживает именно такие сюжеты..." и так далее. В общем, "не мы такие — жизнь такая..."

Но в ней, в этой жизни, похоже, время разбрасывать камни неприятно и неожиданно для всех сменилось вре-

менем собирать камни и делать их краеугольными. Но давайте всё же не забывать, что перед тем, как исписаться, автор всё же должен что-то да написать. А писатель Пелевин явно писателя Пелевина не читает. Хотя пелевинское самосебепожертвование продолжается. И возможность чуда не равняется нулю.

Георгий СУДОВЦЕВ

Иллюстрация: картина № 4 из серии "Россия 2046". Художник Евгений Зубков. 2016 г.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru